

Глава 41

После праздника Лаба погода переменилась. Тяжелые тучи нависли так низко, что, казалось, давили на голову, не пропуская ни единого луча света.

В полдень на улицах было серо и уныло.

Такая погода плохо сказывалась на торговле. Лу Ян, только что встретивший Старину Чэня, не решался выходить на улицу и вместо этого стал обходить соседей, объявляя, что в их лавке появились парные надписи и иероглифы «счастье», а также бумажные узоры на окна с символами года и иероглифом «счастье».

Постоянным покупателям он рассказывал только о новом товаре, а случайным — расхваливал весь ассортимент.

Несколько соседей поддержали его, купив много парных надписей и иероглифов «счастье», немного узоров на окна. Иероглифы «двойное счастье» продавались плохо. Те, кто собирался играть свадьбу, обычно закупились всем необходимым на рынке.

К счастью, он с самого начала не стал вырезать много иероглифов «двойное счастье», и через несколько дней их тоже раскупили постоянные клиенты.

Когда выпал еще один снег, Лу Ян, рассудив, что дороги стали непроходимыми и Старина Чэнь в уезд не поедет, отправился вместе с Се Янем в восточный район города. Они закупили все необходимое для новогодних подарков и зашли в гости к братьям Ло.

Снег валил хлопьями, и старшая невестка Ло, увидев их в такую погоду, растрогалась.

Лу Ян весело улыбался:

— Ничего страшного. В лавке сейчас затишье, покупателей в снег мало, вот мы и выкроили время, чтобы поздравить вас с наступающим Новым годом. А в новом году мы снова придем!

Братья Ло, Ло Да-юн и Ло Эр-у, были на службе в ямэне, и их не было дома. Старшая невестка Ло пригласила их остаться на ужин, но Лу Ян и Се Янь лишь немного погрелись и выпили чаю.

Им нужно было возвращаться в деревню. Путь от восточной части города до западной был неблизким, а за городскими воротами их ждала заснеженная дорога. Темнело рано, и в такую погоду оставаться было неудобно.

— Когда вы собираетесь переезжать в уезд? — спросила старшая невестка Ло. — Это же не дело, каждый день мотаться туда-сюда. Встаете ни свет ни заря, трудитесь дотемна, ни в снег,

ни в дождь не отдыхаете. Так и здоровье можно подорвать.

Се Яню стало стыдно, а Лу Ян все так же улыбался:

— Спасибо за заботу, свояченица. Еще немного подождем, весной уже будет лучше. Большинство проблем в деревне мы решили, осталось совсем немного. Вот, хотел попросить братьев помочь, найти мне несколько человек. Словесные убеждения закончились, пора применять силу.

— Давно пора было, — сказала старшая невестка Ло. — С этой шайкой, что только силу и понимает, ты еще и по-хорошему пытался.

— Да вот, не хотел вас беспокоить, — усмехнулся Лу Ян. — Совсем уже отчаялся, вот и пришел с новогодним подарком, да еще и с проблемами.

— Может, я попрошу второго брата съездить с людьми? — предложила вторая невестка Ло. — Посмотрите на себя, худенькие какие. Вдруг в драке вас самих повалят.

Лу Ян отказался. Он уже использовал имена братьев Ло, чтобы припугнуть обидчиков. Позже несколько стражников из ямэня стали заходить к нему в лавку, окончательно усмирив Ша Чжу. Теперь просить их вмешаться было бы неправильно.

Служба в ямэне — дело такое, легко нажать врагов. Если кто-то уцепится за этот случай, у братьев могут быть неприятности. Сейчас все было хорошо: они помогли ему припугнуть этих негодяев, дали ему время. Он наймет каких-нибудь хулиганов, и если дело дойдет до драки, братьев это не коснется. Он заранее попросит Се Яня составить жалобу.

— Кстати, попросите еще братьев замолвить словечко за меня советнику Цзиню. Когда мой Се Янь будет подавать жалобу, пусть он поможет.

Когда старые долги будут уплачены, придет время требовать свое.

И этот проклятый староста, Лу Ян его не простит.

Глава деревни, а сам возглавляет травлю порядочных людей. В семье Се было два сюцая, оба — таланты, отобранные государством, люди с ученым званием. Власти должны были разобраться.

Старшая невестка Ло согласилась. Уезд был маленьким, уездный начальник был далеко, а советник Цзинь — близко. Он любил выпить и часто проводил время со стражниками из ямэня. И к ним в дом он тоже захаживал, так что они были старыми знакомыми.

Лу Ян оставил немного денег на угощение и вместе с Се Янем поспешил обратно в лавку.

Сегодня к семье У они уже не успевали, поэтому отправились к ним на следующий день.

Отца и сына У дома не оказалось. Управляющий был вежлив и, как и в прошлый раз, пригласил их в дом.

Раз хозяев не было, они не стали задерживаться. Се Янь оставил сообщение:

— Наша лавка открылась, я теперь почти все время там. Когда У Пин-чжи вернется, скажите ему.

Лу Ян прикрыл лицо рукой.

«Научить человека говорить — просто, а научить разговаривать — сложно. Почему мой чжуаньюань все еще такой нескладный?»

В уезде у них было всего несколько знакомых, с которыми нужно было поддерживать отношения.

Лу Ян часто покупал мясо для баоцзы и уже договорился с мясником Лю, что тот обязательно оставит ему поросят.

Несколько дней назад свиноматка опоросилась. Поросята были еще слишком маленькими, и обычные крестьяне не смогли бы их выводить. После Нового года их как раз можно будет забирать. Мясник обещал оставить ему пять, но он сторговался на восемь.

При разведении свиней всегда есть риск падежа, а землю они продали. Если завести мало, как заработать?

Он еще рассчитывал с помощью поросят наладить отношения с родственниками из клана Лу, чтобы они сплотились и в будущем помогали друг другу, защищаясь от проходимцев из Шансицунь.

Когда погода прояснилась, Се Янь как раз собрался в Луцзятунь с подарками.

Нужно было поздравить двух отцов, а теперь, когда они сблизились с семьей дяди, и для них нужно было приготовить подарок.

Лу Ян с ним не поехал. Его родственники уже привыкли к нелюдимости Се Яня, и отцы не обидятся. Дядюшка А Цин был человеком проникательным и понимал, что у Се Яня нет дурных мыслей, поэтому мог простить ему случайную оплошность.

Из Луцзятунь можно было по пути заехать в деревню Ли. До конца года нужно было все прояснить.

Лу Ян все хорошо спланировал, но не ожидал, что из книжной лавки, от которой он так долго ждал вестей, придет сообщение: редкие книги прибыли в уезд Саньшуй!

Это было важное дело, и никто, кроме Се Яня, не мог с ним справиться.

Се Янь отправился в книжную лавку, а Лу Ян не мог поручить поездку в деревню Ли кому-то другому, поэтому пришлось отложить ее на несколько дней, пока Се Янь не освободится.

Придя в книжную лавку «Сухуа», Се Янь не мог скрыть радостной улыбки. Он наконец-то сможет заработать денег!

Получив серебро, он поедет в деревню Ли, пригласит Ли Фэна с супругом, а потом отведет Лу Яна к лекарю.

С деньгами в руках, да еще если немного поласкаться, Лу Ян, может, и согласится пить отвары.

Он был так рад, что его обычно бесстрастное, отрешенное лицо ожило.

Хозяин книжной лавки «Сухуа», по фамилии Цзинь, был человеком тучным, среднего роста, с учтивыми манерами, но на его лице читалась крайняя спешка.

Увидев улыбающегося Се Яня, он тоже улыбнулся:

— Сюцай Се, вы, я вижу, полны уверенности?

— Да! — прямо спросил Се Янь. — Какова цена на этот раз?

Хозяин Цзинь провел его в чайную комнату. Там уже были приготовлены все письменные принадлежности, а маленький служка был готов растереть тушь. На столе стояли чай и сладости.

— Сюцай Се, — усмехнулся он, — вы стали человечнее.

Раньше хозяин Цзинь уже имел дело с Се Янем. Этот ученый был упрямым и нелюдимым, и в глазах его были только книги.

Хозяин Цзинь ценил его талант и хотел с ним подружиться, но каждый раз натывался на холодность. Поняв, что Се Янь любит только книги, а в его лавке они есть, и их общение

неизбежно, он перепоручил поддержание отношений управляющему.

Прошло почти два года, и вот сюцай научился продавать баоцзы и спрашивать о цене.

— Все по-старому, — сказал он. — Книги в моей лавке — в вашем полном распоряжении. Вы человек ученый и должны понимать ценность этого обещания, не говоря уже о вашей феноменальной памяти. Сверху — три лян серебра за работу, а по окончании я подарю вам любой комплект книг на ваш выбор.

Раньше Се Янь получал около одного лян, примерно столько же, сколько платили за переписывание книг вручную.

Он помнил слова У Пин-чжи: его талант бесценен, и просить нужно не меньше пяти лян. Редкие вещи стоят дорого, а его способность была уникальной, никто другой не мог этого сделать.

Се Янь нахмурился, размышляя. Он вспомнил, что Лу Ян просил замолвить словечко за советника Цзиня, и спросил:

— Хозяин Цзинь, советник Цзинь из уездного ямэня — ваш родственник?

— Он мой родной брат, — ответил хозяин Цзинь. — Вы его знаете?

— Я не буду торговаться, — с трудом подбирая слова, сказал Се Янь. — Но не могли бы вы попросить его, чтобы, когда я на днях приду в ямэнь с жалобой, он замолвил за меня словечко?

Хозяин Цзинь был удивлен. Этот сюцай действительно изменился, научился налаживать связи.

Хоть и неуклюже и скованно, но он все же попросил.

Хозяин Цзинь не спешил с ответом и спросил, о какой жалобе идет речь.

Се Янь вкратце объяснил. Услышав, что староста деревни сам возглавил травлю, а какие-то негодяи чуть не довели его с матерью до смерти, хозяин Цзинь тут же согласился.

Раз не Се Янь обидчик, то дело было простое.

Какие-то деревенские жители, без власти, без связей, самый главный из них — староста, да что он может? Помочь — не проблема.

Се Янь обрадовался еще больше. Цена была ниже, чем он ожидал, но его супруг говорил, что

человеческие отношения бесценны, особенно когда просишь о помощи. Деньги — не главное, если дело будет сделано.

Он торопливо принялся за книгу, желая выполнить работу как можно лучше.

Се Янь начал учиться грамоте с «Троесловия».

До смерти отца его жизнь вращалась вокруг книг, и с годами он научился читать с невероятной скоростью. Хозяин Цзинь, стоя рядом, не успевал дочитать строку, как Се Янь уже переворачивал страницу.

Люди говорили, что у него фотографическая память, но Се Янь знал, что это не совсем так. Он просто запоминал быстрее и лучше других.

Чтобы запомнить всю книгу, ему нужно было сосредоточиться. Это было не то же самое, что проверять счетные книги, где требовалась кратковременная память: посмотрел, записал и забыл.

С редкой книгой нужно было провести несколько дней, чтобы запомнить ее без ошибок.

Он прочел ее трижды, затем снова и снова прокручивал в памяти, лишь изредка заглядывая в текст.

Хозяин Цзинь пробыл в комнате меньше получаса и с изумлением наблюдал, как Се Янь уже начал декламировать текст, не написав на бумаге ни одного иероглифа. Приставленный к нему служка казался совершенно лишним.

Лу Ян, управившись с делами в лавке, ближе к вечеру пришел в книжную лавку за Се Янем.

Управляющий Ван не повел его в чайную комнату, а лишь подвел к щели в окне.

Лицо было то же, и серьезное выражение — то же, отрешенное и спокойное, но теперь в нем не было и следа прежней заторможенности. В этот момент Се Янь был по-особенному притягателен.

Лу Ян долго смотрел на него, потом тихо спросил управляющего Вана:

— Он сегодня вернется домой?

Управляющий Ван не знал. По их плану, Се Янь должен был остаться в уезде на ночь, чтобы прочесть книгу как можно больше раз и поскорее переписать ее по памяти.

В чайной комнате Се Янь отложил книгу и сказал хозяину Цзиню:

— Я все прочел. Сегодня вечером начну писать. Я пойду домой.

Хозяин Цзинь не поверил своим ушам.

Лу Ян, услышав это, попросил управляющего Вана провести его внутрь.

Увидев супруга, Се Янь просиял, не в силах скрыть свою гордость. Он был полезен!

Лу Ян сначала поприветствовал хозяина Цзиня, а потом спросил Се Яня:

— Все запомнил?

— Да, — уверенно кивнул Се Янь. — Дома напишу.

Переписать по памяти, не забирая книгу с собой.

Но не тут-то было. Хозяин Цзинь не согласился.

Редкую книгу завтра утром увозили из уезда. Писать нужно было здесь и сейчас. Служка будет переписывать с конца, и если Се Янь что-то забудет, сможет тут же проверить. Он его не отпустил.

Лу Ян его понимал. И Се Янь разумом тоже понимал, но он не мог расстаться с супругом.

Лу Ян потрогал его руку. Хозяин Цзинь был щедр, в комнате стояло три жаровни с углями, и рука Се Яня была теплой.

— Это всего лишь одна ночь. Если бы ты сказал заранее, я бы остался с тобой. Но сейчас дома мама одна. Просить брата Линя присмотреть за ней неудобно, она будет бояться одна ночью. Ты хочешь, чтобы я остался с тобой, или чтобы поехал к маме?

Се Янь еще сильнее захотел переехать в уезд.

— Поезжай к маме, я справлюсь.

Он уже мужчина. Говорил, что справится, а сам не отпускал руку супруга.

— Посмотрите, — сказал Лу Ян хозяину Цзиню, — уже поздно, может, вы его хотя бы покормите?

С едой проблем не было. Лишь бы он остался, хозяин Цзинь обещал позаботиться о нем как следует.

Лу Ян посидел еще немного, поужинал с ним, а потом собрался домой.

Се Янь смотрел на него с тоской, словно душа его покидала.

Хозяин Цзинь тоже ушел, оставив на ночь управляющего Вана присмотреть за Се Янем.

— Сючай Се, вы, должно быть, недавно поженились? — поддразнил его управляющий Ван.

— Да, мы очень хорошо живем, — ответил Се Янь, не уловив иронии.

— Я и не спрашивал, хорошо ли вы живете, — усмехнулся тот. — Вначале все так, молодожены не могут друг без друга, а со временем и видеть друг друга не захотят.

Се Яню это не понравилось. Он бросил на него взгляд и замолчал.

«Ян-гээр еще говорит, что я не умею разговаривать. Вот кто не умеет, так это управляющий Ван».

Он взял кисть. Чем быстрее он закончит, тем быстрее вернется домой.

Книги, которые он хотел получить в подарок, он уже выбрал. Он попросит хозяина Цзиня подарить ему комплект «книг по приготовлению супов».

Он был не так прост. Книги для экзаменов стоили дорого, и если бы он попросил их, хозяин Цзинь мог бы посчитать его неблагодарным.

А «книги по приготовлению супов» покупали многие, стоили они дешевле, и, как говорил Лу Ян, брали количеством. Если он попросит несколько таких книг, хозяин Цзинь не будет возражать.

Приняв решение, он успокоился и принялся за работу.

Тем временем Лу Ян, выйдя на улицу, сел в повозку Ша Чжу.

— А где твой ученый муж? — спросил Лу Линь, оглядываясь.

— Хозяину срочно понадобилось, оставил его в уезде работать, — с ноткой грусти ответил Лу Ян.

Лу Линю было интересно, как зарабатывают ученые. В его представлении, они только писали и учили, больше ничего.

Из рассказа Лу Яна он понял, что и письмо письму рознь. Иероглифы Се Яня ценились дорого, потому что у него была хорошая голова.

Но и содержать ученого было дорого. Учить его больше десяти лет, и неизвестно, когда это окупится.

В деревню они вернулись уже затемно. Лу Ян рассказал обо всем Чжао Пэй-лань.

Та, услышав причину, отнеслась к этому спокойнее.

— А Янь и раньше часто оставался в гостевой комнате книжной лавки, — сказала она.

Лу Ян принял это к сведению. Он уже поужинал в уезде и съел лишь немного, чтобы составить компанию матери.

Сегодня ночью ему предстояло спать без своего чжуаньюаня. Лу Ян мог бы кататься по всей кровати, но, умывшись и улегшись, он никак не мог привыкнуть. Лежа на спине, он чувствовал, как в груди гуляет сквозняк, а на боку — не знал, куда деть руку. Наконец, он достал из шкафа стеганую куртку Се Яня, обнял ее, и руке сразу стало удобно.

Но, устроившись поудобнее, Лу Ян все равно не мог уснуть.

Он думал о Се Яне. Снова выбравшись из-под одеяла, он зажег свечу и достал из кармана своей куртки маленький кошелек.

В кошельке, завернутые в бумажку, лежали несколько очищенных семечек, которые он не решался съесть, красная фасолина и стихи, написанные для него Се Янем.

Как бы ни был занят человек, он всегда найдет минутку для себя.

Лу Ян привык находить радость в суете. Он учил по одной строчке стихов в день, и теперь, развернув бумажку, узнавал большинство иероглифов.

Он понимал, что это знание — временное и ограниченное. Разбери он стихи на отдельные иероглифы, он узнал бы лишь немногие. Но в этот момент на душе у него было сладко.

Последняя строчка была дописана в тот день, когда Се Янь подарил ему красную фасолину: «Этот плод пробуждает самые сильные чувства».

Лу Ян долго смотрел на эту строчку и не мог понять, зачем Се Янь прятал красную фасолину. Ведь они виделись каждый день.

Разве можно тосковать, видясь каждый день? Неужели все ученые такие сентиментальные?

Ночью было холодно. Посидев немного, он замерз и снова забрался под одеяло.

Лу Ян ворочался с боку на бок и вдруг понял, что видел Се Яня всего два часа назад, а уже скучает.

Оказывается, дело не в сентиментальности ученых, а в тоске влюбленных.

При мысли о «влюбленных» Лу Ян, обычно такой смелый, покраснел.

Согревшись и успокоившись, он крепко уснул в эту ветреную ночь.

Се Янь в книжной лавке не спал всю ночь, торопясь с переписыванием. К утру, когда хозяин Цзинь отправил редкую книгу, у него болели руки и спина.

Хозяин Цзинь велел слугам размять ему плечи, но Се Янь уворачивался, не давая к себе прикоснуться.

Хозяин Цзинь потерял дар речи. С такими, как он, он знал, как обращаться.

— Сючай Се, неужели вы и плечи себе даете мять только супругу? Не жалко вам его, устанет ведь?

Се Яню было жалко. Он на мгновение засомневался, но все же отказался.

— Мне неприятно, когда меня трогают чужие. Я лучше похожу, разомнусь.

Видя это, хозяин Цзинь больше не настаивал.

Утром за завтраком он специально велел купить баоцзы с мясом. Те самые, что делал Лу Ян.

Глядя на баоцзы, Се Янь почувствовал острую тоску по супругу.

— Мне нужно к нему.

— Вы же не в тюрьме сидите, куда торопиться? — усмехнулся хозяин Цзинь.

Он решил отвлечь Се Яня другим делом:

— Я поговорил со своим братом. Он позавчера выпивал еще с двумя стражниками, я и им сказал. Все согласились. Как только закончите с книгой, можете идти писать жалобу. Разберетесь с этими людьми, и не будет у вас больше забот. Переезжайте в уезд, и сможете видаться со своим супругом, когда захотите.

Это был веский довод.

Се Янь доел баоцзы и снова с усердием принялся за работу.

Лу Ян, боясь помешать Се Яню, пришел в книжную лавку только после завтрака и снова стал наблюдать за ним через окно.

За одну ночь Се Янь сильно осунулся. Он точно не спал.

Лу Ян рассердился и, повернувшись к управляющему Вану, сказал:

— Что же это такое? Заработать у вас немного серебра так трудно, что и поспать человеку не даете?

Управляющий Ван был ни в чем не виноват. Он, старик, и сам не спал всю ночь.

— Супруг Лу, это не я такой жестокий, это ваш ученый муж слишком усерден. Я вчера умолял его пойти поспать, а он все говорил: «Еще страничку, еще страничку». Так и до утра досидел. Я думал, ну, рассвело, теперь-то отдохнет. Или хотя бы поест. А он и не думает. Вы же знаете, когда ваша лавка открывается? Если бы наш хозяин не купил ваши баоцзы, он бы так и не прервался.

Услышав это, Лу Яну стало не по себе.

— И долго ему еще писать? — спросил он.

Се Янь писал быстро, это была многолетняя привычка. Он не любил разговаривать с людьми и находил удовольствие в заучивании книг, часто в одиночестве переписывая их по памяти.

Когда его отец был жив, в доме не было недостатка в бумаге и туши. Теперь он редко брался за кисть, но, немного потренировавшись, снова обрел былую легкость, и иероглифы ложились на бумагу, словно драконы.

Вторую половину книги переписывал служка, и хозяин Цзинь, видя, как быстро работает Се Янь, попросил его переписать всю книгу, чтобы потом сравнить. Если вторая половина будет без ошибок, то и в первой их будет мало.

— Думаю, сегодня закончит, — сказал управляющий Ван.

Если поторопится, сегодня вечером сможет вернуться домой.

Лу Ян нахмурился, поговорил с хозяином Цзинем и пошел уговаривать Се Яня поспать хотя бы полчаса. Работать всю ночь напролет — и железный человек не выдержит.

Когда просил он, Се Янь соглашался. Лу Ян остался с ним.

Гостевая комната была с общими нарами, где обычно спали работники. Постельное белье пахло.

Комната была завалена всяким хламом, и только благодаря тому, что работники лавки были чистоплотными и часто меняли обувь и носки, в ней не было неприятного запаха.

Се Янь сморщил нос, но усталость пересилила, и, держа Лу Яна за руку, он уснул.

А Лу Ян стал осматривать комнату, прикидывая, как бы переделать задний двор их лавки.

В лавке нужно было оставлять кого-то на ночь. Сейчас у них было мало товара, и они каждый день возили его туда-сюда, оставляя лавку пустой.

Но они уже давно открылись, и окрестные жители, особенно постоянные клиенты, знали, что в лавке никого нет, и боялись, как бы кто не залез через забор.

Стол и стулья тоже стоили денег, а сухофрукты и рис с мукой не будешь же таскать каждый день. Внутри еще были плита, дрова, больше десяти больших пароварок.

В обед нужно было готовить в уезде, и они уже купили посуду и приправы — все это стоило денег.

Их семья была маленькой и бедной, без особых претензий, так что можно было бы жить и за лавкой.

В доме Се были маленькие комнаты, и они втроем привыкли к тесноте. Можно было бы перегородить большую гостевую комнату на две и спать там.

Переехав в уезд, они могли бы спать подольше, а Се Янь, ходя в школу, мог бы каждый вечер возвращаться домой.

Как хорошо.

Сердце Лу Яна горело, он был полон энтузиазма.

Се Янь проспал ровно полчаса и, проснувшись, еще не открыв глаз, уже собирался идти писать.

Лу Ян помог ему сесть и одеться.

Се Янь повел себя нескромно: обнял Лу Яна за талию и потерся лицом о его стеганую куртку.

Лу Ян погладил его по голове и сказал, совершенно разрушая атмосферу:

— Я эту куртку уже сто лет не стирал, а ты об нее трешься. Что, сейчас заплачешь? Ну давай, плачь, как раз куртку мне постираешь.

— Слез не хватит, чтобы постирать куртку, — ответил Се Янь.

— Твоих хватит, — усмехнулся Лу Ян. — Ты же чжуаньюань.

Слезы в уголках глаз Се Яня были оттого, что он не выспался, и когда он пытался их открыть, глаза щипало.

Он не хотел плакать, но слова Лу Яна заставили его рассмеяться.

Немного понежившись в объятиях Лу Яна, он снова пошел переписывать книгу.

Лу Ян, услышав от управляющего Вана о том, как Се Янь отказался от массажа, не стал церемониться. Он усадил его на стул и хорошенько размял ему плечи и спину, отчего Се Янь почувствовал прилив сил и стал работать еще быстрее.

Вечером, получив деньги, Се Янь забрал и обещанные книги.

Он попросил «книги по приготовлению супов», и управляющий Ван, подумав, что ослышался,

переспросил его трижды. Даже когда Се Янь уходил, в его глазах все еще читалось изумление.

Было уже поздно, и они поехали домой.

Из-за взгляда управляющего Вана Се Янь всю дорогу в повозке крепко прижимал к себе мешок с книгами, не давая взглянуть на них даже Лу Яну.

Вернувшись домой и войдя в свою комнату, он с гордостью показал их Лу Яну.

Всего было семнадцать книг: девять — с иллюстрациями и восемь — с текстом и картинками. Неграмотных было много, поэтому книги с картинками пользовались большим спросом.

Лу Ян, как и управляющий Ван, был потрясен.

А потом пришел в восторг.

— Ты такой молодец! Я боялся, что ты научишься плохому. А раз уж принес, давай учиться вместе!

Можно и смотреть, и суп варить, хе-хе-хе.

Се Янь был слаб здоровьем и еще не окреп. Прошлой ночью он не спал, и сегодня ему нужно было отоспаться. Лу Ян стал рассматривать картинки один.

Раньше он видел их только урывками, а сегодня — целую коллекцию. Он почувствовал себя настоящим ученым и, проявив особое усердие, читал при свете лампы до глубокой ночи.

Се Янь проснулся среди ночи и, увидев, что Лу Ян, закутавшись в куртку, склонился над столом, сонно спросил:

— Ты что, на чжуанъюаня сдаешь?

Лу Ян был мыслями уже не здесь, а в различных супах.

Он покраснел, глаза его блестели.

— Сдавать на чжуанъюаня, — сказал он Се Яню, — как изысканно, какое хорошее выражение. Давай мы больше не будем говорить «варить суп», а будем говорить «сдавать на чжуанъюаня».

За одну ночь он придумал много новых слов.

— Когда мы спим вместе, это — сдача экзамена. Когда тыходишь в меня, это — вход в экзаменационный зал. Когда мне хорошо, значит, ты хорошо сдал. А если кончишь внутрь, значит, сдал. Как тебе? Это должно понравиться ученому человеку, правда? Я же о тебе забочусь! С таким заботливым супругом ты должен быть на седьмом небе от счастья!

Се Янь слушал и все больше недоумевал.

— Ты поэтому называешь меня чжуаньюанем?

— Какой же ты глупый, — сказал Лу Ян.

Он все еще был возбужден.

— Хочешь сдать на чжуаньюаня? Я тут видел несколько тем... хм... давай назовем позы темами, как тебе? То, что нарисовано предками и видело столько людей, на вашем языке, наверное, называется «лучшие экзаменационные работы»?

Се Янь тоже проснулся.

«Какой позор для ученого сословия», — подумал он.

Пример Лу Яна был куда ближе к жизни, чем куриный суп, особенно к жизни Се Яня.

Он покраснел от стыда с головы до ног, потерял дар речи, и даже уголки его глаз зарделись.

Но чем больше он стыдился, тем больше в нем разгорался пыл. Лу Ян тут же убрал книги в шкаф, чтобы не повредить, и обнял своего чжуаньюаня.

— Проснулся? А я уже в экзаменационном зале! Хочешь войти?

От его слов Се Янь вспыхнул, лишился дара речи и мог только молча трудиться.

В этот момент он был похож на себя, когда серьезно читал или писал. Это очарование, перенесенное в ночь, очень нравилось Лу Яну.

— Чжуаньюань, поздравляю, ты сдал экзамен и попал в список лучших! — сказал Лу Ян.

Се Янь от стыда сжал пальцы на ногах.

Не нужно было ему приносить эти книги домой!

Позор, какой позор для ученого сословия.

<http://bllate.org/book/16991/1589710>